

УДК 340.115.3

В.В. Оглезнев**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ
СРЕДСТВО АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ¹**

Представлено исследование места и значения концептуального анализа в методологическом арсенале аналитической юриспруденции. Показана необходимость применения концептуального анализа в сфере права, с учетом специфики этой области гуманитарного знания.

Ключевые слова: концептуальный анализ, аналитическая юриспруденция, эпистемология, У.В.О. Куайн.

Дискуссии о методологии начались в эпистемологии, однако сегодня их можно обнаружить и в других отраслях научного знания, в том числе и в философии права. Есть современные философы права, которые не просто разделяют тезис У.В.О. Куайна, что философии необходимо избавиться от концептуального анализа в пользу сциентистской методологии, но активно развивают новое направление в философии права – натурализованную юриспруденцию [1–4]. Для реализации такого проекта предпринимаются попытки создания нового понятийного аппарата, объединяющего ряд категорий и понятий философии науки и философии права в их взаимосвязи. Одним из характерных примеров популярности проекта «натурализации эпистемологии права» является множественность интерпретаций термина «натурализм» (и по существу понимание натурализма как методологической доктрины об эмпирическом характере философского исследования) и указание на существование натуралистических программ в истории философии права и теории права (прежде всего в работах Б. Лейтера). Общая цель таких программ состоит в переинтерпретации традиционных и нормативно закреплённых в законодательстве понятий («обязательство», «обязанность», «субъективное право», «источник права» и др.) на основе эмпирических обоснований, что в конечном итоге вновь актуализирует проблему объективности философско-правового и юридического знания. В то же время, с негодованием отмечает Б. Лейтер, философия права – одна из немногих областей философии, проигнорировавшая куайновскую критику концептуального анализа: «В то время как каждая основная область философии, будь то метаэтика, философия языка, эпистемология, философия науки или философия сознания, в течение последней четверти прошлого века испытала натуралистический поворот, и только англо-американская философия права осталась нетронутой этим интеллектуальным течением» [5. С. 80].

Однако, как нам кажется, исследование употребления многих (если не всех) юридических понятий не предполагает и вряд ли может считать релевантным применение сциентистской методологии с ее безоговорочным дове-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-33-00343а2) и Совета по грантам Президента РФ (грант № МК-270.2011.6).

рием индукции и эмпирическим наблюдениям. Поскольку смысл предложения, содержащего юридические термины, и здесь мы разделяем позицию позднего Витгенштейна, детерминируется теми условиями, которые неиндуктивно (т.е. неэмпирически – с помощью «грамматических» конвенций) оправдывают употребление предложения.

Философы права аналитического толка проявляли интерес и уделяли пристальное внимание концептуальному анализу как важному и, наверное, основному методу познания правовой действительности. Действительно, для философов анализ всегда имел важное эпистемологическое и гносеологическое значение, поскольку позволял не только прояснить, но и лучше понять то, на что он был направлен. Как выразился Дж.Л. Остин, «более четкое понимание использования слов позволяет нам лучше понять само явление» [6. С. 1, 8]. Хотя эту мысль едва ли можно считать новой. Например, Платон в диалоге «Кратил» так эксплицировал идею происхождения языка и образования слов:

«Сократ: ...Какое значение имеют для нас имена, и что хорошего они делают?»

Кратил: Мне кажется, Сократ, они учат. И это очень просто: кто знает имена, тот знает и вещи.

Сократ: Наверное, Кратил, ты имеешь в виду что-то в таком роде: когда кто-то знает имя, каково оно, – а оно таково же, как вещь, – то он будет знать и вещь, если только она оказывается подобной имени, так что это искусство одинаково для всех взаимоподобных вещей. Мне кажется, именно поэтому ты сказал: кто знает имена, знает и вещи» [7. Т. 1. С. 484].

Схожие с Остином мысли мы можем обнаружить у Харта в его известном ответе профессору Боденхаймеру: «...мне кажется, что занимаясь аналитическими исследованиями, мы так же стараемся углубить наше понимание того, о чем нам говорит то, что мы используем наш язык. Не существует такого объяснения понятий, которое не в состоянии расширить наше понимание мира, в отношении которого мы их применяем. Успешный анализ или определение сложных или трудных способов или форм выражений, конечно, обладает некоторыми существенными элементами обнаружения факта, поскольку при объяснении любых понятий мы неизбежно обращаем внимание на различия и сходства между явлением, к которому мы применяем понятие, и другими явлениями» [8. С. 967].

В чем заключается суть концептуального анализа? Неважно, говорим ли мы о «концептуальном анализе» или об «анализе использования слов», речь идет об одном и том же. Хотя выражение «лингвистический анализ» используется чаще, однако для правовой сферы оно является менее пригодным, так как «лингвистический анализ» подразумевает своим предметом собственно язык. Напротив, предметом концептуального анализа являются понятия или идеи, имеющие непосредственное отношение к праву и используемые в праве. Язык, конечно, необходим, но только как средство или среда, в которой правовые понятия или идеи могут быть релевантными. Традиционный концептуальный анализ, как его называет К. Химма [9], в большей степени, хотя и не всецело, связан с идеей, что понятия являются смыслами или значениями. В этом смысле концептуальный анализ направлен на распознавание содер-

жения смысла соответствующего слова; этот анализ обычно осуществляется посредством распознавания свойств, которые позволяют отличить одни вещи, которые подпадают под соответствующее понятие, от других вещей. Повидимому, эти отличительные свойства выражаются в форме необходимых и достаточных условий употребления понятия: так, например, если отличать право от неправа при наличии у обоих некоего общего свойства P1 и отличительных свойств P2 и P3, то для каждого x будет верно, что x есть право, если и только если x обладает свойством P1 и свойством P2 или P3.

Концептуальный анализ слова «справедливость» может послужить примером применения этого метода познания в сфере права [10]. Поскольку анализ этого и многих других фундаментальных этических терминов, с которыми право связано наиболее тесным образом, кажется более ценным и как форма психологического тренинга, и как средство, предоставляющее более широкую перспективу рассмотрения права, чем действительная оценка, и критика того или иного правового института в свете различных социологических или психологических теорий или концепций социального назначения [8. С. 973]. Итак, после исследования репрезентативных примеров использования слов «справедливый» и «справедливость» аналитик-правовед может прийти к выводу, что есть только одно основное выражение, характерное для подобного использования, например, как указывает Р.С. Саммерс, выражение – «воздание по заслугам». Далее правовед может попытаться показать, что принцип, олицетворяющий такое понятие, что каждый должен отвечать за свои поступки, на самом деле объясняет или «связывает» различные употребления понятий «справедливый» и «справедливость». Или он мог бы прийти к выводу, что не существует ни одного принципа, способного связать эти понятия, и что его использование предполагает не одно единичное понятие справедливости, но несколько различных, но схожих понятий. Следовательно, есть некий принцип, который предполагает несколько использований выражения «каждый должен отвечать за свои поступки», принцип, что подобные случаи рассматриваются схожим образом, отличает их от других. Если бы это было так, то правовед захотел бы отметить, что, так как каждый из этих принципов олицетворяет разные понятия, то существуют различные, хотя и схожие, понятия справедливости. Таким образом, наличие возможности идентифицировать и/или дифференцировать эти случаи помогло бы правоведу рассмотреть более точно, как они соотносятся или как они взаимосвязаны. Он также мог бы сравнить эти понятия с другими родственными терминами, например, с «правильностью», «корректностью» и др. Хотя подобную рефлексию можно продолжить и дальше, но этого достаточно, чтобы проиллюстрировать технику концептуального анализа.

Дескриптивный концептуальный анализ в классическом представлении заключается в том, что он представляет собой априорную деятельность, которая стремится прояснить содержание понятия, рассматривая интуиции в отношении возможных случаев. Ф. Джексон так описывает подобную методологическую стратегию: «...концептуальный анализ осуществляется посредством обращения к тому, что представляется нам наиболее очевидным и значимым [относительно рассматриваемого понятия]... что обнаруживается нашей интуицией в отношении возможных случаев» [11. С. 31]. По мнению

Джексона, наши обыденные интуиции в отношении понятий (или наша «народная теория», как он ее называет) позволяют нам понять содержание анализируемых понятий. Согласно этой концепции соответствующие интуиции являются чисто дескриптивными и не содержат моральных интуиций, например в отношении добра или зла. В этом смысле распознавание содержания понятия не предполагает фокусирование на нормативных моральных принципах [12], даже тогда, когда понятия используются для оценки поведения. Например, для надлежащего анализа понятия «право» нет необходимости распознавания существующих стандартов понимания справедливости (Р. Дворкин, наверное, не согласился бы с подобной точкой зрения, поскольку, по его мнению, невозможно распознать содержание интерпретируемых понятий вне нормативной концепции морали, которая высвечивает то, что лучше с этической точки зрения), хотя такие стандарты, по-видимому, были бы важны при ответе на вопросы вроде, какое право должно быть у определенного общества.

Джексон различает умеренную и неумеренную версии концептуального анализа. Согласно неумеренной версии, концептуальный анализ позволяет нам понять, каким является мир; т.е. анализ содержания понятия, например «право», позволил бы нам понять сущностную природу права, которая, действительно, не зависит от наших понятий. Концептуальный анализ умеренной версии описывает содержание понятия, распознавая свойства, отличающие возможные случаи, к которым оно применяется, от других возможных случаев, в отношении которых оно не применяется; этот анализ не описывает мир, как нечто находящееся вне наших понятий. Сам Джексон придерживается умеренной версии концептуального анализа. Однако если традиционный концептуальный анализ умерен по своему характеру, то Джексон преуменьшает роль наших лингвистических методов в определении содержания понятий. Действительно, критики традиционного концептуального анализа типа Куйана допускают, что если бы мы использовали символ «вода», чтобы обратиться к чему другому, чем к прозрачной жидкости, то тогда не было бы концептуальной истиной то, что вода – это H_2O , хотя непременно существовала бы некоторая концептуальная истина, соответствующая отношению между определенным понятием и H_2O . Понятия могли бы быть абстрактными объектами, независимыми от наших действий, но язык – это социальная конструкция, основанная в социальных практиках, конвенциях; и то, какие понятия язык признает релевантными, определяется содержанием этих социальных практик.

Это допущение предполагает, что применение традиционной методологии дескриптивного концептуального анализа является несколько некорректным. Хотя часто философы и пытаются оправдать свои концептуальные притязания обращением к «обыденным интуициям», но будет преждевременным безоговорочно согласиться с этим. Интуиции, которые, действительно, имеют значение для концептуального анализа, являются по сути общими представлениями, связанными основными конвенциями в отношении того, как использовать соответствующие понятия.

Из-за неопределенности общих черт концептуальный анализ весьма часто путают с юридической интерпретацией. Но когда правовед-теоретик занимается концептуальным анализом, он не делает того, что делает юрист-практик,

когда интерпретирует статью закона или какой-нибудь другой нормативно-правовой акт. Хотя между этими видами мыслительной деятельности есть много различий, но можно проиллюстрировать три значимых примера. Во-первых, совершенно различны источники проблем. Проблема интерпретации для юриста-практика возникает потому, что, например, в тексте непоследовательно используется одно и то же слово из-за синтаксической двусмысленности или различия между содержанием властного предписания и обычным значением слов, используемых в повседневной речи. Однако в этом смысле проблемы для концептуального аналитика не возникает. Напротив, его проблема может возникнуть не потому, что он озадачен или в затруднении, а скорее потому, что он просто хочет при помощи анализа ясно сформулировать нечто, что он намеревается исследовать. Во-вторых, юрист-практик может почти всегда создавать свою проблему в терминах выбора между двумя альтернативными интерпретациями, каждая из которых ему известна и совершенно понятна. Чего нельзя сказать о правовед-аналитике, проблема которого возникает из-за наличия в праве коллизионных норм. В-третьих, практик при своем «анализе» будет использовать методы, отличные от правовой аналитической методологии. Таким образом, интерпретируя тот или иной правовой акт, практик использует, прежде всего, догму права, т.е. некие юридические каноны, чуждые концептуальному анализу. Помимо этого, практик может вовлечься в «старый» методологический спор между телеологической и буквальной интерпретацией. Напротив, правовед-аналитик не пытается определить то, что отдельный человек подразумевал в конкретном случае, используя те или иные понятия. Кроме того, юрист-практик при интерпретации закона не может не считаться и чаще всего зависит от соответствующей государственной политики. Чего, действительно, не скажешь о правоведе, который пытается установить концептуальное взаимодействие, например, между понятием права и понятием правила, при анализе выражения «государственная политика».

Таким образом, из эксплицированной выше проблематики мы можем сделать два важных эпистемологических вывода. Во-первых, своей главной задачей аналитическая юриспруденция считает «прояснение» языка, на котором формулируются философски значимые вопросы и утверждения, его своеобразная очистка от «метафизической неопределенности» и разного рода неоднозначности, достичь чего можно путем точного определения всех используемых понятий и их соотнесение с эмпирически наблюдаемыми явлениями. И, во-вторых, применение методов аналитической философии языка, а именно концептуального анализа, позволяет не только продвинуться дальше на пути исследования сущности юридических понятий, но и заострить имеющиеся философско-правовые дискуссии о необходимости трансляции методологии аналитической философии в такую специфическую сферу гуманитарного знания, как право.

Литература

1. Дидикин А.Б. Современные интерпретации натурализма в аналитической философии права // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2008. № 6(1). С. 59–63.

2. *Leiter B.* Naturalised Epistemology and Law of Evidence // *Public Law and Legal Theory. Research Papers.* 2001. № 01-8. P. 1–72.
3. *Leiter B.* Naturalizing Jurisprudence: Essays on American Legal Realism and Naturalism in Legal Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2007.
4. *Leiter B.* Naturalizing Jurisprudence: Three Approaches // *Public Law and Legal Theory Working Paper.* 2008. № 246. P. 1–20.
5. *Leiter B.* Naturalism and Naturalized Jurisprudence / *Analyzing Law.* Oxford: Oxford University Press, 1999.
6. *Austin J.L.* A Plea for Excuses: The Presidential Address // *Proceedings of the Aristotelian Society. New Series.* 1956. Vol. 57. P. 1–30.
7. *Платон.* Сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», 1968.
8. *Hart H.L.A.* Analytical Jurisprudence in Mid-Twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer // *University of Pennsylvania Law Review.* 1957. Vol. 105. P. 953–975.
9. *Himma K.E.* Editor's Introduction. From the issue entitled "Special Issue on Brian Leiter's Naturalizing Jurisprudence" // *Law and Philosophy.* 2011. Vol. 30, № 4. P. 377–379.
10. *Summers R.S.* H.L.A. Hart on Justice // *The Journal of Philosophy.* 1962. Vol. 59, № 18. P. 497–500.
11. *Jackson F.* From Metaphysics to Ethics: A Defense of Conceptual Analysis. Oxford: Oxford University Press, 1998.
12. *Coleman J.* The Practice of Principle. Oxford: Oxford University Press, 2001.